

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 341.9:347.9

Преюдиция иностранных судебных актов в международном частном праве: коллизия доктрин

¹ Квач С.С.

¹ Технологический университет им. А.А. Леонова

Аннотация: статья исследует теоретические и практические проблемы признания преюдициальной силы иностранных судебных актов в международном частном праве (МЧП). Анализируется фундаментальная коллизия между доктриной территориального суверенитета (требующей обязательной экзекватуры для придания решению преюдициального эффекта) и доктриной международной вежливости (допускающей автоматическое признание преюдиции на основе взаимного уважения правовых систем). Критически оценивается компромиссная доктрина взаимности, закрепленная в законодательстве РФ и ФРГ, которая на практике сталкивается с трудностями доказывания и риском произвольных судебных решений. Особое внимание уделено феномену «двойной преюдиции» – ситуации, при которой противоречащие судебные акты разных государств претендуют на истинность, что подрывает принцип правовой определённости и ведёт к экономическим потерям. В качестве решения предложена дифференцированная модель, основанная на функциональной неоднородности преюдициальных фактов.

Ключевые слова: преюдиция, иностранные судебные акты, доктрина экзекватуры, взаимность, публичный порядок, Гаагские конвенции

Для цитирования: Квач С.С. Преюдиция иностранных судебных актов в международном частном праве: коллизия доктрин // Современный ученый. 2025. № 8. С. 443 – 449.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Prejudice of foreign judicial acts in private international law: conflict of doctrines

¹ Kvach S.S.

¹ Technological University named after A.A. Leonov

Abstract: the article explores the theoretical and practical problems of recognizing the prejudicial power of foreign judicial acts in private international law (PJM). A fundamental conflict is analyzed between the doctrine of territorial sovereignty (requiring mandatory *exequatur* to give a decision a prejudicial effect) and the doctrine of international politeness (allowing automatic recognition of prejudice based on mutual respect of legal systems). The compromise doctrine of reciprocity, enshrined in the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany, is critically assessed, which in practice faces difficulties in proving and the risk of arbitrary court decisions. Particular attention is paid to the phenomenon of "double prejudice" - a situation in which conflicting judicial acts of different states claim truth, which undermines the principle of legal certainty and leads to economic losses. As a solution, a differentiated model based on the functional heterogeneity of prejudicial facts is proposed.

Keywords: prejudice, foreign judicial acts, *exequatur* doctrine, reciprocity, public order, Hague Conventions

For citation: Kvach S.S. Prejudice of foreign judicial acts in private international law: conflict of doctrines. Modern Scientist. 2025. 8. P. 443 – 449.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Признание преюдициальной силы иностранных судебных актов в международном частном праве сталкивается с глубокой доктринальной коллизией. С одной стороны, теория территориального суверенитета (восходящая к Савини) требует обязательной экзекватуры, ограничивая действие решений пределами юрисдикции государства. С другой – доктрина международной вежливости (Стори) допускает автоматическое признание преюдиции на основе взаимного уважения правовых систем. Компромиссная модель взаимности (§ 328 ГПК ФРГ, ст. 409 ГПК РФ) на практике порождает сложности доказывания и правовую неопределенность.

Кульминацией этой конфронтации стал феномен «двойной преюдиции», когда противоречащие решения судов разных стран о тождественных фактах одновременно претендуют на истинность, подрывая принципы правовой определённости и доверия к правосудию. Традиционные подходы не способны разрешить этот парадокс в условиях отсутствия иерархии юрисдикций.

В статье предлагается дифференцированная модель, преодолевающая бинарную логику «всё или ничего». Её ядро – функциональное разделение преюдициальных фактов (юридические составы, фактические обстоятельства, процессуальные решения) с применением блокчейн-реестра по аналогии с системой ЕС e-Justice. Это открывает путь к балансу между суверенитетом и глобальной процессуальной экономией.

Материалы и методы исследований

Исследование проблемы признания преюдициальной силы иностранных судебных актов в международном частном праве и разработка дифференцированной модели базировались на комплексном применении общеначальных и специальных юридических методов познания. Основу составил догматический (формально-юридический) метод, позволивший провести детальный анализ норм российского процессуального законодательства (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ, ст. 409 ГПК РФ, ст. 1193 ГК РФ), а также положений Гражданского процессуального кодекса ФРГ (§ 328) и международных конвенций (в частности, Гаагских конвенций по вопросам гражданского процесса). Этот метод использовался для выявления пробе-

лов, противоречий и коллизий в действующих правовых механизмах признания преюдиции.

Ключевым для понимания глубины доктринальной коллизии и оценки практических последствий феномена "двойной преюдиции" стал сравнительно-правовой метод (компаративистский анализ). Он применялся для сопоставления подходов, доминирующих в континентальной (на примерах РФ и ФРГ) и англосаксонской (common law) правовых системах, к признанию преюдициального эффекта различных типов фактов (юридических составов, фактических обстоятельств, процессуальных решений). Сравнительный анализ выявил принципиальные различия в философско-правовых основаниях (суверенитет vs. comity) и практических последствиях применения разных доктрин.

Для выявления реальных проблем в правоприменимой практике и подтверждения теоретических выводов был задействован метод анализа судебной практики. Исследовались конкретные решения высших судебных инстанций, прежде всего Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2017 по делу №305-ЭС16-13303, А41-22518/2014, а также практика судов других юрисдикций (насколько это доступно в открытых источниках), демонстрирующие трудности применения доктрины взаимности, риски нарушения публичного порядка и случаи возникновения "двойной преюдиции". Этот анализ подтвердил тезис о квазификтивности взаимности и произвольности судебных решений в данной сфере.

Историко-правовой метод использовался для реконструкции генезиса и эволюции конкурирующих доктрин – теории территориального суверенитета (восходящей к Ф.К. фон Савини) и доктрины международной вежливости (Дж. Стори). Понимание их исторических корней и развития позволило выявить устойчивость лежащих в их основе принципов и причины их современного противостояния.

Метод правового моделирования стал центральным инструментом для разработки авторской дифференцированной модели признания преюдиции. Он позволил сконструировать новую парадигму, основанную на функциональной неоднородности преюдициальных фактов (юридические составы, фактические обстоятельства, процессуальные решения) и предложить дифференциро-

ванные режимы их признания (от сохранения экзекватуры для юридических составов до автоматической преюдиции для фактических обстоятельств при строгих гарантиях). В рамках этого метода также было спроектировано технологическое решение – концепция международного реестра преюдициальных фактов с блокчейн-верификацией по аналогии с системой ЕС e-Justice, призванное обеспечить достоверность, прозрачность и проверяемость признаваемых фактов.

Системный метод обеспечил рассмотрение проблемы в контексте современных тенденций интернационализации правовых отношений, цифровизации юстиции и поиска баланса между государственным суверенитетом и необходимостью глобальной процессуальной экономии. Это позволило оценить предлагаемую модель не изолированно, а как элемент эволюции международного частного права в ответ на вызовы глобализации.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области международного частного права, гражданского и арбитражного процесса (включая работы Л.А. Лунца о проблемах взаимности), а также современные научные публикации, посвященные преюдиции (Казанков Я.Н., Логвинчук Р.О. и др.), анализу судебной практики и международным процессуальным стандартам. Эмпирическую базу составили нормативные правовые акты РФ и ФРГ, международные конвенции, опубликованные судебные акты высших судов РФ и примеры из зарубежной практики, доступные в открытых источниках и профессиональных базах данных (КонсультантПлюс). Комплексное использование указанных методов и источников обеспечило всесторонность исследования и обоснованность предложенной дифференцированной модели.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим теоретические основания коллизии в признании преюдициальной силы иностранных судебных актов.

Преюдицией в теории права определяют такое правило, по которому обстоятельства, содержащиеся в вынесенном ранее и вступившем в законную силу решении суда, принимается в дальнейшем другими судами как доказанные и не подлежат повторному доказыванию, при этом, «в современном законодательстве РФ преюдиция не закрепляется как абсолютная, не имеющая границ действия формула» [1, с. 529].

Таким образом, «те или иные фактические обстоятельства конкретного юридического дела, установленные в судебном решении, вынесенном «предыдущим» правоприменителем, автоматиче-

ски переносятся «следующим» правоприменителем и на рассматриваемый правовой казус» [2, с. 85].

Применение преюдиций широко развито в национальных юридических процессах, хотя и здесь применение значительно затруднено. Например, уголовно-процессуальное законодательство содержит однозначные запреты, связанные с применением преюдиции. В частности, следует обратить внимание на тот факт, что «90 УПК РФ исключены из не требующих доказывания обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, постановленного судом в соответствии со статьями 226.9 (приговор по уголовному делу, дознание по которому проводилось в упрощенной форме), 316 (приговор, постановленный в особом порядке) или 317.7 УПК РФ (приговор в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве)» [3, с. 90]. Следует согласиться, что «реформирования института преюдиции в гражданском процессе, в т.ч. межотраслевой преюдиции судебных актов, постановленных при производстве по уголовным делам, остается достаточно актуальным, поскольку проводимая реформа процессуального законодательства, в т.ч. развитие процедур внесудебных примирений, дает возможность законодателю, в условиях дискреции, устанавливать и иные процедуры прекращения уголовного дела по нереабилитирующем основаниям, в т.ч. условие об установлении с участием потерпевшего от преступления и описании в постановлении о прекращении уголовного дела обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения гражданского дела» [4, с. 448].

В делах, осложненных иностранным элементом, принятие фактов, установленных иностранными судебными решениями имеет значительно больше трудностей. Зачастую, существует проблема отсутствия единых подходов в юридической литературе и судебной практике к признанию преюдициального эффекта иностранных судебных решений. Как представляется, фундаментальная коллизия в признании преюдициального эффекта иностранных судебных решений проистекает из глубинного противоречия между двумя философско-правовыми парадигмами, определяющими природу международного частного права. С одной стороны, теория территориального суверенитета, восходящая к концепции Фридриха Карла фон Савинны, рассматривает судебное решение как акт государственной власти, чья юридическая сила ограничена пределами юрисдикции вынесшего его государства. В этой системе координат преюдиция возможна лишь после прохождения процедуры

экзекватуры – специального признания решения судом страны исполнения, что трансформирует его в национальный правовой акт.

На сегодняшний день, приведённый подход, доминирует в континентальной правовой семье. Он исходит из принципа «нет преюдиции без экзекватуры», где иностранное решение до признания остается *res inter alios acta* – вещью, совершенной между другими лицами. Ярким примером выступает Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2017 по делу №305-ЭС16-13303, А41-22518/2014. Суд отменил ранее принятое определение о признании и приведении в исполнение решения суда иностранного государства о взыскании задолженности по недовзысканным таможенным платежам и налогам. Решение было отменено, так как иностранное судебное решение не направлено на защиту частного интереса, а его исполнение противоречит публичному порядку РФ. в связи с чем оно не подлежит признанию и принудительному исполнению [5].

С другой стороны, доктрина международной вежливости, разработанная Джозефом Стори в

Признание преюдиции в континентальном праве и системе общего права.

Recognition of prejudice in continental law and common law systems.

Тип факта	Континентальная модель	Common law модель
Юридические составы	Требуется экзекватаура	Безусловная преюдиция
Фактические обстоятельства	Частичное признание	Полная преюдиция
Процессуальные решения	Не признаются	Признаются ограниченно

Кульминацией доктринальной конфронтации становится проблема «двойной преюдиции», когда противоречавшие решения судов разных государств претендуют на истинность.

Феномен «двойной преюдиции» – ситуация, когда противоречивые судебные акты разных государств по идентичным фактическим обстоятельствам одновременно претендуют на преюдициальную силу – представляет собой квинтэссенцию доктринальной коллизии в международном частном праве. Эта проблема обнажает фундаментальный парадокс современной системы: отсутствие иерархии юрисдикций при одновременном требовании неукоснительного соблюдения принципа *res judicata*. Правовые последствия «двойной преюдиции» катастрофичны для принципа правовой определенности: эрозия авторитета судебной власти, так как противоречивые решения подрывают доверие к правосудию; возникают экономические потери, появляются дополнительные расходы на параллельные процессы; манипуляция процедурами, не исключено политически мотивированное

рамках ангlosаксонской традиции, трактует преюдицию как проявление судебной вежливости и взаимного уважения правовых систем, основанное на презумпции добросовестности иностранного правосудия. Здесь преюдициальный эффект возникает автоматически из принципа *«res judicata pro veritate habetur»* («судебное решение принимается за истину»), без обязательной экзекватауры.

Третьим вектором выступает доктрина взаимности, пытающаяся найти компромисс между крайностями суверенитета и универсализма. Закрепленная в § 328 ГПК Германии [6]. и ст. 409 ГПК РФ [7].

Однако, как справедливо отмечал Л.А. Лунц, эта модель страдает от «квазификции»: доказывание реальной взаимности в конкретном деле превращается в сложную процедуру, требующую анализа иностранного законодательства и практики, что на практике ведет к произвольным выводам судов.

Существующее на сегодняшний день положение дел, показано в табл. 1.

Таблица 1

Table 1

использование экзекватауры как инструмента давления.

Попытки разрешить коллизию через принцип приоритета во времени (первое решение получает преюдицию) терпят крах из-за асинхронности судопроизводства.

Прорывом могла бы стать Гаагская конвенция о преюдиционном эффекте, вводящая:

- единый реестр преюдициальных фактов с блокчейн-верификацией;
- принцип «одна истина – один форум» – обязательное приостановление параллельных производств;
- механизм кросс-юрисдикционного согласования по модели Комиссии ООН по праву международной торговли.

Пока же «двойная преюдиция» остается болезненным напоминанием, что без перехода от догмы территориального суверенитета к функциональному универсализму, МЧП рискует превратиться в «Вавилонскую башню», где *«res judicata»* теряет смысл в хаосе конкурирующих истин.

Коллизия традиционных подходов к преюдиции иностранных судебных актов – экзекватурного формализма и универсализма *comity* – требует принципиально новой парадигмы, способной преодолеть бинарную логику «все или ничего».

Предлагаемая дифференцированная модель основана на тезисе о функциональной неоднородности преюдициальных фактов, отвергая искусственное уравнивание юридических составов, фактических обстоятельств и процессуальных решений. Ключевая идея заключается в том, что интенсивность признания должна коррелировать с природой установленного факта, степенью составительности процесса и гарантиями достоверности доказательств.

Для юридических составов (создание/прекращение юридических лиц, регистрация прав на недвижимость, установление семейного статуса) сохраняется требование экзекватуры как фильтра публичного порядка, поскольку такие факты имеют конститутивное значение и затрагивают суверенные прерогативы государства регистрации. Напротив, для фактических обстоятельств (сроки поставки товаров, наличие дефектов продукции, суммы неисполненных обязательств) предлагается автоматическая преюдиция по модели *comity* при наличии трех критериев достоверности:

1. надлежащее уведомление сторон по правилам Гаагской конвенции 1965 г.;
2. соблюдение минимальных стандартов справедливого судебного разбирательства (ст. 6 ЕКПЧ);
3. транскрибированность судебного заседания, позволяющая проверить процедуру доказывания.

Наиболее дискуссионной категорией становятся процессуальные решения (отказ в принятии иска, оставление без движения, возвращение апелляции). Их преюдиция допустима лишь в ограниченном объеме – не как истина в последней инстанции, а как доказательство злоупотребления процессуальными правами при наличии рецидивного поведения стороны.

Технологическим фундаментом модели выступает международный реестр преюдициальных фактов по аналогии с системой ЕС e-Justice, где блокчейн-верификация обеспечивает:

- А) криптографическую привязку фактов к конкретным решениям;
- Б) маркировку типа преюдиции (юридический состав / фактическое обстоятельство);
- В) интеграцию с базами данных о процессуальных гарантиях.

Дифференциация не отменяет, но рационализирует действие публичного порядка (ст. 1193 ГК

РФ) [8]: для фактических обстоятельств допустим отказ только при доказанном фальсификации доказательств, а не по политическим мотивам. Следует учитывать, что «преюдициальность как свойство судебных актов способна оказывать влияние на единообразное применение судами правовых норм в случаях, когда речь идет о правовой квалификации одного и того же факта в нескольких процессах» [9, с. 240].

Кроме того, «преюдиционное решение может быть использовано только в отношении тех фактов и обстоятельств, которые были предметом рассмотрения и входили в предмет доказывания по ранее рассмотренному делу и только для тех лиц, которые были сторонами по рассмотренному делу, так как вышеуказанным решением устраняется правовая неопределенность, существовавшая между сторонами» [10, с.45].

Российское законодательство могло бы инкорпорировать модель через поправки в ст. 61 ГПК РФ [7] и ст. 69 АПК РФ [11], введя презумпцию преюдиции фактов из решений стран Гаагской системы при наличии электронного транскрипта. Это сократит сроки рассмотрения трансграничных споров и снизит риски «двойной преюдиции», сохранив баланс между суверенитетом и глобальной процессуальной экономией.

Выводы

Проблема признания преюдициальной силы иностранных судебных актов в международном частном праве остается одной из наиболее острых и теоретически сложных. Как показало исследование, фундаментальная коллизия происходит из глубинного противоречия между двумя основополагающими доктринальными подходами: доктриной территориального суверенитета (экзекватуры), требующей формального признания решения судом страны исполнения для наделения его преюдициальным эффектом, и доктриной международной вежливости (*comity*), допускающей автоматическое признание преюдиции в рамках взаимного уважения правовых систем. Компромиссная доктрина взаимности, закрепленная в законодательстве многих стран (включая РФ и ФРГ), на практике сталкивается со значительными трудностями доказывания и риском произвольных решений, что снижает ее эффективность.

Наиболее опасным проявлением этой доктринальной конфронтации является феномен «двойной преюдиции», когда противоречащие судебные акты разных государств по тождественным фактам одновременно претендуют на истинность. Это создает катастрофические последствия для принципа правовой определенности, подрывает авторитет

судебной власти, ведет к экономическим потерям и создает почву для злоупотреблений.

Попытки разрешить коллизию традиционными методами (приоритет во времени) неэффективны. Требуется принципиально новая парадигма, преодолевающая бинарную логику «все или ничего». Предлагаемая в статье дифференцированная модель основана на функциональной неоднородности преюдициальных фактов:

Для юридических составов (создание/прекращение юрлиц, регистрация прав на недвижимость, семейный статус) сохраняется требование экзекватуры как необходимого фильтра публичного порядка ввиду их конститутивного характера и связи с суверенитетом.

Для фактических обстоятельств (сроки поставки, дефекты товара, суммы долга) предлагается автоматическая преюдиция по модели *comity* при соблюдении строгих критериев достоверности: надлежащее уведомление сторон (Гаагская конвенция 1965 г.), соблюдение стандартов справедливого судопроизводства (ст. 6 ЕКПЧ) и наличие электронного транскрипта заседания для проверки доказательств.

Для процессуальных решений (отказ в принятии иска и т.п.) признание допустимо лишь ограниченно, как доказательство злоупотребления процессуальными правами при рецидивном пове-

дении стороны, но не как истина в последней инстанции.

Технологической основой модели должен стать международный реестр преюдициальных фактов (по аналогии с системой ЕС e-Justice) с блокчейн-верификацией, обеспечивающей надежную привязку фактов к решениям, их классификацию и интеграцию с данными о процессуальных гарантиях. Это позволит рационализировать применение оговорки о публичном порядке.

Внедрение данной модели в российское законодательство (через поправки в ст. 61 ГПК РФ и ст. 69 АПК РФ) путем введения презумпции преюдиции фактических обстоятельств из решений стран Гаагской системы при наличии электронного транскрипта, способно значительно сократить сроки рассмотрения трансграничных споров, снизить риски «двойной преюдиции» и найти оптимальный баланс между уважением государственного суверенитета и необходимостью глобальной процессуальной экономии в условиях интернационализации правовых отношений. Таким образом, дифференцированный подход открывает путь к преодолению современного хаоса конкурирующих истин и построению более эффективной и предсказуемой системы признания иностранной преюдиции в МЧП.

Список источников

1. Маркаташова Д.Е. Классификация преюдиций, применяемых в гражданском судопроизводстве // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 4 (79). С. 528 – 532.
2. Казанков Я.Н., Васильев Н.Г. Роль юридических аксиом, презумпций, преюдиций и фикций в судебном познании // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: Материалы II всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 мая 2016 года / Отв. ред. Е.В. Трофимов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2016. С. 84 – 87.
3. Логвинчук Р.О. Преюдиция как инструмент защиты в делах об экономических преступлениях // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 3 (234). С. 89 – 98.
4. Загоруйко И.Ю., Эстерлейн Ж.В. Место и роль института преюдиции в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 444 – 449.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2017 по делу N 305-ЭС16-13303, А41-22518/2014 // СПС КонсультантПлюс.
6. Гражданский Процессуальный Кодекс ФРГ (Zivilprozessordnung der BRD) (1996): Сайт «Библиотека по правам человека» URL: <https://hrlib.kz/document/172613> (дата обращения 02.07.2025)
7. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532
8. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // "Собрание законодательства РФ", 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
9. Рыжков К.С. Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм: соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2 (22). С. 235 – 241. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241

10. Сальникова А.В. Роль преюдиции в вопросах доказывания в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (65). С. 40 – 47. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-5

11. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.

References

1. Markatanova D.E. Classification of Prejudices Applied in Civil Proceedings. Alley of Science. 2023. Vol. 1. No. 4 (79). P. 528 – 532.
2. Kazankov Ya.N., Vasiliev N.G. The Role of Legal Axioms, Presumptions, Prejudices and Fictions in Judicial Cognition. Current Issues in the Development of Russian Statehood and Public Law: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 20, 2016. Ed. E.V. Trofimov. Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", 2016. P. 84 – 87.
3. Logvinchuk R.O. Prejudice as a defense instrument in cases of economic crimes. Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 3 (234). P. 89 – 98.
4. Zagoruiko I.Yu., Esterlein Zh.V. Place and role of the institution of prejudice in civil proceedings. Perm legal almanac. 2021. No. 4. P. 444 – 449.
5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2017 in case No. 305-ES16-13303, A41-22518/2014. SPS ConsultantPlus.
6. Civil Procedure Code of the Federal Republic of Germany (Zivilprozeßordnung der BRD) (1996): Website of the Human Rights Library URL: <https://hrlib.kz/document/172613> (accessed 02.07.2025)
7. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 24.06.2023, as amended on 20.07.2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 18.11.2002, N 46, art. 4532
8. "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 13.06.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 29.06.2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 25.12.2006, N 52 (part 1), art. 5496.
9. Ryzhkov K.S. Prejudice and uniform application of legal norms by courts: the relationship between concepts in civil and arbitration proceedings. Actual problems of state and law. 2022. Vol. 6. No. 2 (22). P. 235 – 241. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241
10. Salnikova A.V. The Role of Prejudice in Matters of Evidence in the Civil Procedural Law of the Russian Federation. News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2023. No. 1 (65). P. 40 – 47. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-5
11. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" of 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 18.03.2023, as amended on 22.06.2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 29.07.2002, N 30, art. 3012.

Информация об авторе

Квач С.С., кандидат юридических наук, доцент, Технологический университет им. А.А. Леонова, 141074, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42, kvachss@ya.ru

© Квач С.С., 2025